

Арсений Бессонов родился в 1981 году в городе Березники. С 1986 года жил в Перми. В 2002 году окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Поступил в аспирантуру кафедры философии Пермского государственного педагогического университета. Лауреат «Илья-Премии» 2001 года. Стихи публиковались в сборниках «Пробивается первая зелень» (серия «Илья-Премия»), «Приют неизвестных поэтов. Дикороссы», нескольких альманахах (в том числе — альманахе «Илья»). Умер 16 июня 2005 года.

БЛАЖЕННЫЙ, НЕЛОЖНЫЙ, НЕТЛЕННЫЙ

* * *

Дети и звери, играйте потише, потише,
Ведь бог — он уснул.
Пусть же он спит, и не слышит, не слышит, не слышит
Наш плачущий гул.

Пусть же он спит, и не слышит, не видит, не внемлет
Стенаньям людским,
Пусть ему снится блаженный, неложный, нетленный
Наш мир без тоски.

Мальчик Адам там с беспечной девчонкою Евой
Играют в саду.
Ветви беспечные вечного доброго древа
Отводят беду.

Все позабыто: искус, да и плод запрещённый,
И Бог-конвоир.
Все понимает беспечный, молочный, прощённый
Прощающий мир.

Он, яко матери, надеждой пьянящей, нетрезвой
Своих кормит чад.
Значит, не будет надломов, обломов, надразов,
Надрывов, надсад?

Слушай, ведь мой это голос мальчишеский, звонкий
Колышет цветы...
Все поправимо... Ведь я — тот наивный мальчонка,
А девочка — ты.

УМАЛЕНИЕ

К ясной твоей глубине прикасаясь,
Я и теряюсь и умаляюсь —
Меньше себя становлюсь во сто крат.
Нет меня — есть только почва и завязь
Будущей жизни, и пусть я и маюсь,
Каюсь,
Стараюсь,
Смиряюсь, —
Я рад.
Рядом с огнём твоего благородства
Я умаляюсь до детского роста,

Малым, капризным дитём становясь.
С сердца слетают наросты, коросты —
Ниточкой от колыбели к погосту
Вмиг заплетается ясная связь —
С миром нетронутым братская связь.
Вот я в песочнице детской ребёнок.
Дом мой песочный так хрупок и тонок!
Влагой в песок утекает тоска,
Хоть и не знаю я, глупый цыплёнок,
То, что лишь тот, кто вчера из пелёнок,
Строит дома на песке из песка.

РОЖДЕНИЕ НЕЖНОСТИ

Почему с желчной болью набухших желёз
Просыпается мальчик, краснея до слёз,
Лет в тринадцать-четырнадцать, дни пубертата,
И боится, не зная, что просто так надо,
Что теперь все иначе, все просто всерьёз?

Не от страха ль железа волнение желёз? —
Страха жернова жизни железных колес,
Перед жерновом тяжким железного века
И железной рукою того дровосека,
Чьи нержавеющие нервы не ведают слёз?

Плачьте, железы детства, бессмертной весны,
Напрягайтесь страданьем дрожащей струны
Иль мехов той надрывно-раздольной гармонии,
Пусть текут из мехов ваших с болью гормоны
Током семени, слёз и бурлящей слюны.

Где там млечная речка с кисельной волной?
Андрогенов потоки по крови больной

Разливаются, мышцы лица сочетая
В отвращенья гримасу, и, страхи глотая,
Ты занозишь кулак над чужою десной.

Успокойся, постой! Ведь расслышать легко
Через скрежет железных миров, далеко —
Шёпот: «Милый!», чужое живое дыханье...
И прольётся по деснам родного созданья
Теплой струйкой чужой железы молоко.

* * *

*Легче верблюду пройти через угольное ушко,
чем богатому в Царство Небесное.
Евангелие от Луки*

Вот хороший сюжет для Босха — безо всяких красот и лоска:
На арене земшарного цирка, на его всесветных подмостках,
Фарисеи с менялами вместе представляют новое чудо —
Небывалый доселе номер под названьем:

«Прыжок верблюда

Сквозь ушко той иголки древней с наступленьем

Божьего Царства —

Того самого райского града — только лучше

и круче гораздо».

— Новый век! Рай земной, досрочный —

до сих пор небывалое что-то —

На основе труда и меры, справедливости и расчета!

— К черту праздных и бесполезных!

Нет безумцам и нытикам входа!

Твои силы и время — деньги. Твои деньги — твоя свобода!

И стоят со своей иголкой над покорным старым верблюдом,

Что застыл с тоскою во взоре, понимая, как влип он круто.

— Ну давай, ну давай, родимый! Постарайся же, ради Бога!

Поднатужься, не осрами нас! Ну ещё, ну ещё немного!
И поняв, что чужды их просьбы бесполезной скотине кроткой,
Дрессировщики с видом строгим начинают работать плеткой.
Но... в момент отчаянный самый выпадает из рук иголка,
Исчезая навек, бесследно, безо всякого смысла и толка.
И под грохот взбешённого зала, неожиданно и мгновенно,
Меркнет свет, обнажается купол, и летит под землю арена.
...В темноте немой, предрассветной старушонка

в белой косынке

Над лицом обожжённо-черным, с тихим стоном:

«Сынки и жинки...»

Нашей горькой тщеты коросты увлажняет слезой несмелой,
Вековечные наши слёзы утирает косынкой белой.

* * *

Ты не слышал мычащее млеко?
А жужжащий, как улей, мёд?
И что в крике младенца от века
Материнско-отцовская нега
Над печальями жизни поёт.

И когда старушонка седая
(Сто морщин как древесных колец),
Для правнучки колготки латая,
Засмеется как та молодая
Покорительница сердец,

И внезапно уронит иголку,
То услышит вдали голоса. —
Как когда-то дружок её, Колька,
Ей шепнул: «Ведь до гроба?» — «Не только!»
Нет, не только... И гаснут глаза.